

АРТЕФАКТ

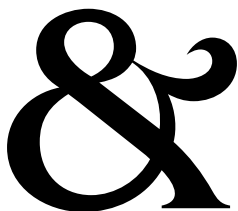

ДЕТЕКТИВ

Читайте романы Марии СПАССКОЙ в серии «Артефакт & Детектив»:

Роковой оберег Марины Цветаевой
Кукла крымского мага
Безумный поклонник Бодлера
Черная луна Мессалины
Магическая трубка Конан Дойла
Серьга удачи знаменитого сыщика Видока
Волшебный фонарь Сальвадора Дали
Сакральный знак Маты Хари
Флейта гамельнского крысолова

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Мария СПАССКАЯ

**Флейта
гамельнского
крысолова**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С71

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Спасская, Мария.

С71 Флейта гамельнского крысолова / Мария Спасская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-004377-4

Юный крестоносец Йозеф Крафт завладел книгой одного из учеников Пифагора, в которой описывалось, как сделать инструмент для управления человечеством — флейту всевластия. Йозеф посвятил всю жизнь, чтобы создать флейту, но использовать ее не решился, понимая, насколько опасно изобретение. Знаменитый гамельнский крысолов, в руки которого попал инструмент, тоже понял, что волшебная флейта, ведущая за собой, не вернет ему утраченного счастья... Сотрудница страховой компании Берта оказалась вовлечена в расследование кражи огромного алмаза, привезенного на международную выставку. Но она даже представить не могла, что это дело поможет ей приблизиться к разгадке тайны гамельнского крысолова и найти нынешнего хозяина могущественной флейты.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Спасская М., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-004377-4

Пролог

Москва, сентябрь 1995 года.

лафира Семеновна не любила утренние часы. Старушка чувствовала себя крайне неуютно, оставаясь одна в большой коммунальной квартире. Или почти одна, разницы не ощущалось. Ведь дома Аркадий или нет, сказать наверняка практически невозможно. А заглядывать к нему лишний раз себе дороже.

Обычно многолюдная и шумная, с восьмью часам утра каждый будний день квартира на Покровке превращалась в вымершую пустыню. Тишину просторной кухни нарушал лишь мерный стук воды из протекающего крана да редкий телефонный звонок, что вдруг огласит стоятидесятиметровую коммуналку пронзительным дребезжанием.

Закончив подметать ковровые дорожки, украшающие скромную, в одно окно, комнатку, пенсионерка выплыла в коридор, неся перед собой совок с мусором. Проходя мимо двойных распашных дверей самой большой в квартире комнаты, она остановилась и прижалась ухом к филенке, прислушиваясь. Там, за дверью, должен был быть Аркадий, больной и старый, чужой, по сути, человек — ее муж.

Глафира вышла замуж за соседа в далеком тридцать втором году, сразу же после того, как художника выписали из психиатрической лечебницы, где он провел без малого десять лет. Честно говоря, Глафира соблазнилась комнатой Аркадия. Большой, просторной, тридцатипятиметровой, не то, что ее крошечный чулан, в котором при старом режиме располагался закуток прислуги.

Глафира жила в этой конуренке очень давно, еще с тех пор, когда совсем девчонкой нанялась в дом Вольских помощницей кухарки. Потом кухарка в родах померла, и молоденькая помощница заняла ее место, втайне мечтая женить на себе хозяйского сына своего одноклассника Аркадия. Чтобы приблизить заветную мечту Глафира по делу и без дела ходила по коридору, приодевшись и наrumянив щеки. Однако барчук упрямо не желал замечать ни новой сатиновой блузки, вот-вот готовой лопнуть на арбузных Глафириных грудях, ни сшитой из дорогого отреза пышной юбки, выгодно подчеркивающей не слишком-то узкую талию поварихи. Поняв, что ее лицо, веснушчатое и круглое, как перепелиное яйцо, не вызывает в Аркадии никаких эмоций, кроме раздражения, Глафира перестала совершать прогулки по коридору и затаила к барчуку жгучую неприязнь.

Революция уравнила прислугу с хозяевами, и новая власть отдала Глафире ее чулан в полное распоряжение. А со временем получилось и расписаться со свихнувшимся барчуком. Глафира очень

надеялась, что рано или поздно ненавистный муж сгинет в психушке, а ей в полное распоряжение достанутся добротная мебель и шикарные хоромы. Но тихое помешательство Аркадия Борисовича каждый раз признавалось докторами не опасным для общества, и художника, подлечив, к огромной досаде жены, отпускали домой. Аркадий возвращался пришибленный, смирный и некоторое время никуда не выходил. Питался он сырой картошкой, воруя ее по ночам у соседей из выставленных на кухне ящиков для овощей.

В войну Аркадий Борисович остался в квартире один, отказавшись уехать в эвакуацию, и, возвращаясь из Ташкента в Москву вместе с сожителем — контуженым танкистом Федором, Глафира надеялась, что законный муженек околел от голода или убит шальной пулей. Но безумец разрушил ее надежды, выйдя на звук открывающейся двери в коридор. Он безмолвно смерил их с Федором долгим пустым взглядом и снова скрылся за двустворчатыми дверями комнаты, которую Глафира так жаждала назвать своей. Они зажили по-соседски, друг другу не мешая и лишний раз стараясь не попадаться на глаза. Федя Аркадия не обижал, держался с ним вежливо, хотя один раз чуть было не дошло до драки.

Глафира вот-вот должна была родить, и бывший танкист отправился к Аркадию, поговорить по-мужски. Просил он немного — всего лишь уступить большую комнату, упирая на то, что Аркадий

и Глафира по закону муж и жена, лицевые счета у них объединены, и, следовательно, супруги имеют равные права на обе комнаты. А так как Глафира ждет пополнение, она имеет приоритетные права на более просторное помещение. Аркадий отреагировал на справедливую просьбу возмущенным криком, требуя, чтобы Федор убирался вон. На крик прибежал бухгалтер Кенигсон, занимавший крайнюю комнату у самой двери, он принял сторону Аркадия, обзывая Глафиру бессовестной самкой и обещая написать на Федора заявление в паспортный стол, за то, что тот который год живет у них в квартире без прописки. К Науму Евсеевичу присоединилась еще одна соседка, учительница Люба, и Глафиге пришлось отступить.

С Федором они прожили недолго — фронтовик носил в груди осколок мины, стронувшийся с места и задевший сердце. После него остался сын, Илья, парень задиристый и шумный. В восемнадцать лет Илюша привел в их крохотную комнатку беременную жену Машу, а через два месяца сел за разбой. Родившаяся без отца Жанна не вызывала у жавшейся за ширмой бабушки ничего, кроме головной боли и раздражения на упрямого дурачка Аркадия.

Больше полувека блаженный морочил ей голову, а мечта о просторной комнате так и оставалась мечтой. Вспомнив об этом, Глафира даже сплюнула в сердцах, едва не просыпав мусор. Сидит на огромной площади, как сыч, а они должны ютиться

ся в конуре. В общем, как был Аркадий Вольский буржуем, так им и остался.

Шаркая по коридору войлочными тапками, Глафира Семеновна свернула на кухню и двинулась в туалет — спустить в унитаз мусор. Невестка ругала ее за это, рассказывая кошмарную историю, что в их парикмахерской уборщица вот так же систематически выбрасывала заметенные волосы в унитаз, отчего канализация забилась и дерьмо затопило салон. Старуха лишь усмехалась про себя. Ишь, умная нашлась! Лучше всех все знает, а сама живет у нее в приживалках.

От резкого телефонного звонка Глафира даже вздрогнула. По коридору доковыляла до выкрашенной зеленой краской стены и, протянув трясущуюся руку, ухватила черную матовую трубку висящего над стулом аппарата. Прижав к мясистому уху холодную пластмассу, звонко выкрикнула в мембрану:

— Слушаю!

На том конце провода раздавался гул, и приглушенный помехами голос участкового Лукьянова проговорил:

— Глафира Семеновна, вы дома?

— За хлебом собиралась уйти, — недовольно откликнулась старуха.

— Повремените с полчаса, я Аркадия Борисовича привезу. У аптеки подобрал, он опять к проходим с рассказами лезет.

Рассказы, о которых говорил участковый, всегда были одними и теми же. Про сатира, который мечтал создать рай на земле, но лишился волшебной флейты и завел людей в ад. Метафоричность повествования спасала слабоумного от немедленной госпитализации, ибо, назови Аркадий вещи своими именами, его бы упекли в психушку на веки вечные.

— Нечего сюда его везти, тащите в лечебницу! — потребовала Глафира.

— Я пробовал. Не принимают, — грустно поведала трубка. — Доктор говорит, у них все палаты переполнены, а Аркадий Борисович не опасен. Достаточно запереть его в комнате и никуда не выпускать.

— Попробуй, запри его, тут же защитнички сыщутся, — сердито пробурчала старуха, косясь на двери Кенигсонов.

— Так я привезу товарища Вольского?

— Вези, чего уж там. Так и быть. Открою.

Глафира Семеновна еще тянулась к рычажкам телефона, намереваясь положить на место трубку, когда в замке загремели ключи, распахнулась дверь, и в квартиру вбежали две девочки одного возраста — Глафирина внучка Жанна и соседская Лада Кенигсон.

— Жанка, чего так поздно? — недовольно глянув на внучку, осведомилась Глафира.

За Жанну ответила бойкая Лада, пробегая к своей комнате и отпирая запертую дверь привязанным на шее ключом.

— Мы на дополнительные занятия по русскому оставались, баб Глаш.

— Тебя не спросили, егоза! — оборвала внучку бухгалтера обиженная на него старуха. И, следуя за Жанной по коридору, назидательно говорила: — Я за хлебом вниз пойду, а ты деду дверь открой. — И не без ехидства добавила: — Его благородие в персональной карете сейчас доставят. Опять приставал у аптеки к людям. Вы-то с Ладкой чего ж не купили ему боярышника? Пятаков не накопили?

Единственные, с кем Аркадий Борисович общался, были дети из коммуналки — Жанна и Лада. А также их одноклассница Надюша Руева из дома напротив. Это только считалось, что девочки дружат втроем. На самом же деле дружили соседки по квартире, во время ссор используя наивную Надежду для усиления конфронтации против неприятельницы.

Лада умело манипулировала обеими девочками, снисходительно глядя, как между соперницами разыгрывается битва за ее дружбу. Отец Лады заведовал рыбным магазином, и в холодильнике Кенигсонов водились такие вкусности, о которых малоимущие одноклассницы даже не слышали. Чтобы держать подруг на коротком поводке, Лада время от времени приглашала к себе то одну, то другую, и угощала чем-нибудь изумительным.

Чтобы не пропустить момент ссоры между соседками и оказаться в нужное время в нужном месте, Надюша все время крутилась в их квартире,

предусмотрительно имея при себе настойку боярышника. В период ремиссии старика Вольского привлекала именно эта настойка, которую чужак употреблял внутрь, считая панацеей от всех болезней. Крохотную пенсию по инвалидности Аркадий Борисович тратил в первые три дня и потом упрасивал соседей приобрести ему в аптеке заветный препарат. За это дарил какую-нибудь безделушку из своей захлавленной антикварной мебелью и раритетными книгами комнаты.

В расчете на подарок девочки часто заглядывали к старику с настойкой в кармане. И каждой из них Аркадий Борисович рассказывал про волшебную флейту — доминатон, — с помощью которой можно покорить весь мир. Еще старик говорил о вере пифагорийцев в переселение душ, а также о том, что когда-нибудь он, Аркадий Вольский, родится в пушистом кошачьем теле. В конце путаного монолога старик поворачивался к сидевшей рядом с ним девочке, кто бы то ни была — Жанна, Лада, Надежда, — и проникновенно говорил, глядя на собеседницу диковинными разноцветными глазами — одним янтарным, вторым серым, таким прозрачным, как будто его и вовсе не было:

— Только тебе я готов открыть секрет тайника, в котором хранится волшебная флейта. Только ты, моя хорошая, сможешь распорядиться доминатоном с умом. Никто не знает, где тайник. Один я знаю.

И Аркадий Борисович тихонько смеялся, хитро грозя кому-то пальцем. Дети рассуждения безумца почти не слушали, рассматривая выменянную на настойку боярышника безделушку с каминной полки и мечтая поскорее унести добычу к себе и спрятать в надежное место, чтобы не увидели родители и не замучили расспросами, откуда это сокровище взялось. Да и Глафира Семеновна не одобряла, когда вещи, пусть даже маленькие фигурки, раздаривались кому ни попадя, ибо считала себя полноправной хозяйкой всего, что находится в комнате Вольского.

Во время отлучек Аркадия по больницам Глафира частенько навещала в желанную комнату и расхаживала среди давно знакомых вещей, к которым привыкла еще со времен своей службы кухаркой. Она приехала в Москву голоногой девчонкой, такой вот, как сейчас Жанка, и сердобольный односельчанин помог пристроиться на службу к благородным господам.

Несмотря на то что прошло почти семьдесят лет, Глафира отлично помнила бархатный диван с упругими валиками, высокие книжные шкафы, где кроме книг стояло еще и множество статуэток со всех частей света. Помнила украшенный изразцовой лепниной камин, и добротный круглый стол под ажурной скатертью, и оранжевый абажур с кистями, по вечерам уютно отбрасывающий на стол колеблющийся круг света.

— Ба, что у нас на обед? Я есть хочу, — выводила старуху из задумчивости, затынула Жанна.

— У Ладки поешь, — буркнула Глафира. — Я еще не готовила. Кенигсоны вчера суп из осетрины варили. Мы-то небось такой суп себе не варим.

— Ларкин отец говорит, у тебя пенсия хорошая и что ты просто прибедняешься.

— Типун на его поганый язык! — запричитала старуха. — Хорошо ему рассуждать, в директорском кабинете прохладжась! А я всю жизнь на фабрике-кухне, в пару горбатилась! Варикозку вон заработала и опущение матки нажила! Чужие деньги все считать умеют. А как тарелку супа налить — нету их! Ладно, хлеба куплю и съезжу на Бауманский рынок, костей на рагу возьму.

Охая, Глафира Семеновна пошла собираться. Долго копалась в шифоньере, перебирая купленные у спекулянтов тряпки, принесенные из парикмахерской невесткой, и наконец, тихонько причитая, вышла из комнаты, в широкой вареной юбке, кофте с люрексом и подвязанной на голове газовой козынке. В руке она держала полиэтиленовый пакет с портретом группы «Dereche mode».

— Жанка, змея, ты где? — на весь коридор заголосила старуха. — А ну иди сюда, паразитка такая!

Жанна вышла на зов и застыла в дверях Ладиной комнаты.

— Ну, чего тебе, ба? — недовольно насупилась она.

— Иди, раз зовут, — прикрикнула бабка.

— Что еще?

— Деда привезут, запри его, слышишь? Если опять уйдет — жопу надеру!

Жанна стояла, разглядывая седой дубовый паркет, выцветший от частого мытья и отсутствия мастики.

— Чего молчишь? Поняла или нет?

— Поняла! — огрызнулась девочка.

— То-то же! Норовистая какая. Смотри у меня.

Глафира сурово поджала тонкие синие губы и побрела на выход. Открыла входную дверь и отшатнулась — перед дверью переминалась с ноги на ногу Надюшка, не решаясь позвонить в квартиру. Маленькая и кругленькая, в школьном платье, ставшем коротким еще в прошлом году, девочка стояла в раздумьях, и старуха обрушила гнев на нее.

— Чего тут встала? Пришла, так проходи! Не стой, как истуканка!

Надежда смутилась и, пробормотав что-то невнятное, шмыгнула в квартиру. Пробежала по коридору до комнаты Лады и, потянув на себя дверь, заглянула внутрь. Подружки сидели у трюмо и заплетали косы.

— Красоту наводите? — широко улыбнулась Надежда.

— Тебе не поможет, — отмахнулась Жанна.

— Я математику делать пришла. Какой номер задачи? Лад, ты записала? — пропуская подкол